

- кінця X ст. Ан-Надіма про те, що один знайомий йому чоловік, який побував у країні русів, стверджував, що «у них есть письменна вырезаемые на дереве; он показал мне кусок белого дерева с изображениями; я не знаю были ли это слова или отдельные буквы» (Цит. за виданням: Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. *Славяне и их соседи*. М., 2001. Вып. 10 (*Славяне и кочевой мир*). С. 119).
- 10 Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому 1 списку). *Памятники русского права*. Вып. 1: *Памятники права Киевского государства X–XII вв.* М., 1952. С. 116.
 - 11 Див.: *Книга Київського підкоморського суду (1584–1644)*. К., 1991.
 - 12 Миклашевский И.Н. *К истории хозяйственного быта Московского государства*. Ч.1: *Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. М., 1894. С. 123. Порівн.: Харузин Н.Н. «Знамена» у мордвы в 16–17 вв. *Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера*. М., 1900. С. 62–72.
 - 13 Гуревич А.Я. *Время. Словарь средневековой культуры*. М., 2003. С. 100.

Володимир Ричка

«Поль търтака Корьсоуньского»

Это загадочное выражение с непонятным словом «търтакъ» содержится в статье 1195 г. *Ипатьевской летописи*, рассказывающей о наделении великим князем киевским Рюриком Ростиславичем Романа Мстиславича волостью в Киевской земле. Благодаря посредничеству митрополита Киевского Никифора, волынский князь был прощен Рюриком, приведен ко кресту и получил надел в Поросье.

посла к нему посоль свои рекъ емоу гнѣва ти ѿдаваю . и води и крѣтоу на всеи волѣ свои . и да емоу Полонъ и поль търтака Корьсоуньского¹.

Не многие исследователи обращались к этому темному месту летописи, еще меньше пытались выяснить значение непонятного слова «търтакъ». Первым его толкователем можно считать М.П. Погодина, который полагал, что речь здесь идет о половине города Торческа. Роман, согласно ему, «получил за них (города отданные Всеволоду — П.Т.) Полонный и пол Торческа Русского»². Вторым обратил внимание на это слово П. Мелиоранский, предложивший несколько версий его значения. Это «доход с провинции» или «доход с весового сбора», «таможенная пошлина», а также лесопилка или мельница», приводившиеся в движение какой-нибудь живой силой (людьми, лошадьми)³. Единственное, в чем у него не было сомнения, что слово это было позаимствовано из тюркского языка. Л.Е. Махновец, в своем переводе *Ипатьевской летописи* на украинский язык, обозначил слово «тартак» как область. «І водив він його до хреста про все, чого сам волив, і дав йому /город/ Полоний і половину області Корсунської»⁴. Небольшой комментарий летописного текста предложил Я.Н. Щапов, также считающий, что речь в нем идет, скорее всего, о населенном пункте. Эта связь митрополита с городом заключалась, вероятно, в получении с него половины пошлины и управления своими тиунами, так, как обладали Москвой и другими городами по частям русские князья в XIV–XV вв.

Еще одно толкование загадочного слова, предложил известный украинский филолог-тюрколог В.А. Бушаков⁵. Согласно ему, в тюркских языках нет термина со значением область, который бы дал основание толковать слово «търтакъ» как «область». Скорее всего, речь здесь идет о селище с названием Тартак, собственное название которого, возможно, произошло от тюркского родоплеменного названия или антропонима.

В пользу такого понимания летописного термина, как будто, свидетельствуют аналогичные или близкие по звучанию топонимы и гидронимы, сохранившиеся в Украине до наших дней. Это селища Тартак в Винницкой и Житомирской областях, Тартаков во Львовской области, речка Тартак в бассейне Припяти, источник Тартацкий на Волыни, ручей Тартакай, являющийся левым притоком речки Тилигул. В.А. Бушаков высказал сомнение в корректности использования этих аналогий, поскольку эти топонимы явно связываются с апеллятивом «тартак» в значении «лесопильня», заимствованным из польского языка.

Думается, что при всех оговорках, исключать существующие ныне в Украине гидро- и топонимы с названием «Тартак» из числа сравнительных аналогий летописного термина, все же нельзя. И это независимо от того, происходят ли они непосредственно из тюркского языка или же опосредовано, через польский. Тем более, что последнее предположение также не может считаться безусловным. Особенно, что касается названия рек, которые несомненно старше польского присутствия на Украине. Да и семантически невозможно связать название реки с лесопильней.

Для понимания содержательного значения летописного термина определяющим должно быть то, что все ныне существующие названия «тартак» связаны с населенными пунктами, речками или, как в случае с балкой Тартакай, с конкретной территорией. Это дает основания полагать, что и в древности значение слова «тартак» имело топо-географическое содержание.

По существу, именно такой вывод можно сделать и из анализа всего странного летописного текста, который завершён свидетельством о передаче Роману Мстиславичу «поль търтака Корьсоуньского». Сперва волынский князь получил от Рюрика Ростиславича обширную волость с городами Торцким, Треполем, Корсунем, Богуславом и Каневом. Однако под давлением владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Рюрик изменил свое решение в его пользу. Роману взамен была предложена другая волость, от которой тот отказался. Размолвка между киевским и волыньским князем готова была перерасти в военное столкновение, но посреднические усилия митрополита Никифора уладили этот конфликт миром.

Роман уступил и даже согласился на то, чтобы Рюрик, если не найдет подходящей волости, рассчитался с ним деньгами:

ѡче то ци про мене тобѣ не жити сватомъ своимъ . и в любовь не внити . а мнѣ любоиноую волость в тое мѣсто даси . лоубо коунам и даси . за нее во что боудеть была⁶.

Такую волость ему и предложили, причем, по уверению Рюрика, она была равна той, что получил Всеволод. Но Роман неожиданно вновь выразил свое не-

удовольствие и начал собирать против Рюрика коалицию черниговских князей. После поражения от польского князя Мешка, Роман стал сговорчивее, направил в Киев послов и покаялся в своей вине. Рюрик решил простить его и дать ему «надѣлокъ», который включал город Полонный и «поль тѣртака Корьсоуньского».

Из сказанного следует, что Роман, хотя и не получил спорную волость с пятью городами, все же не остался без поросского надела. Определенно, это не был Торческ, как казалось М.П. Погодину. Как известно, Роман выступал держателем этого города с 1188 г., когда, пытаясь стать галицким князем, потерял владимирский стол. Из летописных разъяснений следует, что он сохранял за собой эту волость и позже, когда уже прочно сидел во Владимире. В 1195 г. Рюрик отобрал ее в пользу Всеволода Суздальского, а тот уступил ее сыну киевского князя. «И да Всеволодъ Торьцкый зяти своему Ростиславу Рюриковичю»⁷. Собственно это и стало причиной нового обострения отношений Рюрика и Романа. Последний воспринял этот стговор киевского и суздальского князей, как личное оскорбление. «Романъ же поча слатиса къ цтю [Рюрику — П.Т.] своему жалоуаса про волость . мнѣвъ такоже смолвивса . со Всеволодомъ . ѿгаль оу него волость . сна дѣла своего»⁸.

Видимо, «пол тартака Корсунского», приданного к Полонному, рассматривалось как своеобразная компенсация за потерю Торческой волости. Конечно, компенсация не была равноценной. Не случайно, в летописи она названа уменьшительным словом «наделок». Но Роману, судя по всему, было важно, что находился он в том же Поросском регионе, где и отобранная у него Торческая волость.

Других городов, названия которых хотя бы отдаленно напоминали слово «тартак», в южно-русском пограничье не зафиксировано. О каком-то селище с аналогичным названием, как предполагает В.А. Бушаков, говорить не приходится, поскольку его половина составляла бы, в лучшем случае, десяток-другой домохозяйств и не могла бы рассматриваться в качестве пожалования или дара владельцу крупного удельного княжества.

Несмотря на то, что никому пока не удалось отыскать в тюркских языках слова «тартак», а следовательно и определить его славянский эквивалент, придумать ему другое содержание, чем то, которое вытекает из летописного контекста, невозможно. Конечно же, оно обозначает определенное владение, административно-территориальный округ, находившийся в зоне расселения торческих племен. Не исключено, что этимологически это название (что предлагал П. Мелиоранский, как возможный вариант) действительно связано с судебно-фискальной системой. В ярлыке Темир-Кутлуга имеется близкое слово «тартак», обозначавшее весовую или таможенную пошлину, а также подать⁹.

В пользу предложенного содержания термина «тартак» видимо свидетельствует и сопровождающее его прилагательное «Корьсуньский». Во-первых, оно указывает на то, что термин этот не является собственным названием, а, во-вторых, что на юге Руси, скорее всего, был не один такой административно-территориальный округ. В противном случае в уточнении его месторасположения не было бы нужды.

- 1 ПСРЛ 2: 688.
- 2 Погодин М.П. *Древняя русская история до монгольского ига*. М., 1871. Т.1. С. 212.
- 3 Мелиоранский П. Заимствованы восточные слова в русской письменности домонгольского времени. *ИОРЯС*. СПб., 1905. Т.10. С. 130–132.
- 4 Махновец Л.С. *Литонис Руський*. К., 1989. С.357.
- 5 Автор выражает В.А. Бушакову благодарность за консультацию.
- 6 ПСРЛ 2: 684–685.
- 7 Там же. 685.
- 8 Там же.
- 9 Мелиоранский П. Заимствованные восточные слова. С.130.

Петр Толочко

Тмутороканский болван

Место *Слова о полку Игореве*, где упоминается «Тмутараканский болван», не относится к числу «темных» и, тем не менее, совершенно загадочно. Исследователей в этом фрагменте¹ озадачивало многое, но, вероятно, наиболее упорно продолжает сопротивляться пониманию именно «болван» Тмутороканя. Что это такое: еще один образчик пресловутой «образности» *Слова* или же указание на некую историческую реалию?

В попытках истолковать, что мог иметь ввиду автор *Слова* и что мог представлять собой «болван», не было недостатка. Удобным путеводителем по ним может служить статья О.В. Творогова «Болван» в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»². При всем различии высказанных предположений (некоторые из которых довольно экзотичны³) исследователи сходны в том, что фраза указывает на какое-то изваяние, некогда стоявшее в Тмуторокане или поблизости него. Но вот какое именно, мнения расходились. Г.Ф. Корзухина полагала, что речь может идти о маяке с эллинистической статуей наверху. Д.В. Айналов — о пограничном столбе в виде болвана. Н.И. Надеждин — об одной из «каменных баб», хорошо известных изваяниях кочевников. Привлекались также неясные свидетельства о якобы стоявших еще в XVIII в. на берегу Таманского полуострова «двух колоссальных статуях, воздвигнутых божествам Санергу и Астарте»⁴ (эта «колоссальность», надо думать, и навела Г.Ф. Корзухину на мысль о маяке, по аналогии с колоссом Родосским).

Подобные догадки, впрочем, оставляли без ответа вопрос: почему древнерусский автор знал об изваянии на Тамани и что именно в его глазах делало это изваяние стоящим специального упоминания в тексте *Слова*? Ни маяк, ни одна из многочисленных «половецких баб», ни статуи Санергу и Астарте никак не отмечены в истории Руси и ничем не могли бы вызвать ассоциаций у читателя. А, между тем, «болван» был знаменит: о нем упомянуто походя и как о вещи общеизвестной.

Так называемый «Тмутараканский камень» издавна связывают со *Словом*. Иначе и быть не могло: открытие обоих связано с А.И. Мусиным-Пушкиным. Над обоими висит подозрение в подлоге, и критики *Слова* автором (или вдохновите-